

Игнатий Николаевич Потапенко

Чрезвычайное средство (Записки старого студента #08)

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и подавленные

нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Чрезвычайное средство**

Раздался звонок, хозяйка отперла дверь.

— Студент Гроздин дома? — спросил женский голос.

— Дома; вот здесь, сейчас — направо...

Дверь отворилась, и вошла очень молодая девушка, — вошла и нерешительно остановилась на пороге.

Гроздин внимательно всмотрелся в её лицо.

— Вы?! — с изумлением воскликнул он, — Ольга Александровна? Не может быть!

— Извините, пожалуйста... Да, это я. Ради Бога, извините, — с видом крайнего замешательства говорила гостя тоненьким детским голосом, таким слабым и нежным, и при этом, должно быть, от волнения, нервно и совершенно неудачно старалась зачем-то снять с правой руки перчатку.

Гроздин всей своей фигурой и лицом выразил непонимание и не знал, что сказать.

— Это ваша квартира? — спросила гостя, также неизвестно зачем, должно быть, от смущения.

— Да... я снимаю комнату. Садитесь же... Я не ожидал, что это вы...

— Да, это неожиданно... Я сейчас вам расскажу.

— Вы, кажется, взволнованы? Не дать ли вам воды?

— Ах, нет, воды не надо... Слушайте, вы жили у нас три месяца, и мы с вами за это время сказали не более тридцати слов, так что, конечно, это странно, что я прямо к вам пришла. Но я в Москве больше никого не знаю. Ни души.

— Вы по делам?

— Как по делам? Разве у меня есть дела? Нет, я просто... Ну, просто убежала...

— Убежали? Зачем же?

— Видите... Я... я хочу учиться... Я давно уже хотела учиться... Но мой опекун... Он на это смотрит, вы знаете, как... Он ни за что... Так вот я и убежала...

Гроздин менее всего ожидал от неё такого объяснения; впрочем, он ничего не ожидал. Минувшее лето он жил на уроке в Саратовской губернии, в усадьбе полковника в отставке, Карелина, приготавливал мальчика в кадетский корпус. Ольга Александровна, дальняя родственница полковника, у которой

он был опекуном, казалась ему милой барышней, и никогда ему не приходила мысль, что у неё в голове роятся какие-то стремления и планы. Правда, в больших серых глазах молодой девушки было что-то загадочное. Она часто задумывалась и с родными была как-то холодна. Полковник был, что называется, тяжёлый человек, — требовательный, помешанный на хорошем тоне, любил брюзжать по поводу современных порядков, которые ему не нравились, порицал распущенность молодёжи и в особенности почему-то воевал с образованными женщинами.

Гроздин приготовил мальчика в кадетский корпус и, получив обещанное вознаграждение, был очень рад, что мог выбраться из этого дома на свободу. И вдруг перед ним Ольга Александровна.

— Так вы убежали? — спрашивал он. — Но как же... Как же полковник, ваш опекун? Впрочем, что же я спрашиваю? Конечно, он... он этого не простит... Но как же вы будете? Ведь знаете, это очень серьёзно... У вас есть какие-нибудь планы?

Она покачала головой.

— Нет! У меня есть только желание. Я хочу учиться на медицинских курсах; но ведь они не здесь, а в Петербурге, а уж там у меня окончательно ни души знакомых. Я уже полтора года занимаюсь латинским языком и могу выдержать экзамен... Я хочу быть врачом. Ведь вы тоже медик.

— Странно, что вы мне об этом никогда не говорили.

— Я ни о чём не говорила с вами... Там нельзя было говорить. Но ведь многие теперь учатся, не правда ли? Разве вы против этого, как полковник?

— О, нет, что вы! Учиться хорошо. Я сама учусь, почему же вам не учиться? Всякий имеет право развивать свой ум... Но ведь вас вернут, Ольга Александровна. Полковник подымет историю и насильно вернёт вас.

— Да, это ужасно. Вот я и пришла к вам. Посоветуйте.

— Что ж я могу посоветовать? Тут ничего не поделаешь. Недавно одна так точно убежала... Отец её — действительный статский советник, в Тамбове... Ну, и вернул...

— Что же мне делать? — и она посмотрела

на него так беспомощно, с такой мольбой, что ему уж совсем сделалось жалко. — Может быть, спрятаться куда-нибудь?

— Спрятаться нельзя. Полиция найдёт и хуже будет... Бог знает, в чём вас заподозрят. Нет, прятаться невозможно.

Он ломал голову. Эта девушка, которую он ни на йоту не узнал за три месяца, когда они встречались каждый день, вдруг сделалась ему симпатична. Гроздин был энтузиаст науки, образования, всего светлого, просветительного. Он перебирал в голове все способы, но они оказывались негодными.

— Сколько вам лет, Ольга Александровна? — спросил он.

— Девятнадцать! — ответила она.

— Это мало. Ещё. два года до совершеннолетия.

— Слушайте, — промолвила она, и её детское лицо приняло выражение какой-то грустной серьёзности. — Слушайте: Гроздин, я не могу вернуться туда... Я там или с ума сойду, или умру... Там тяжело жить. Вы видели, как тяжело. Вы не знаете всего. Полковник хочет, чтоб все исполняли его волю без

возражений... После вашего отъезда к нему стали ездить из губернского города какие-то судейские; товарищ прокурора ко мне посватался, и опекун хочет, во что бы то ни стало, чтобы я вышла. Он такой несимпатичный...

— Товарищ прокурора? Тем хуже. Уж он сумеет вам навредить.

— Я знаю. Что ж делать?

Гроздин крепко задумался, как бы делая последнее усилие. Вдруг он с большой энергией поднялся и промолвил:

— Знаете что? Есть только одно средство.

— Есть? — с надеждой спросила она.

— Да, есть... Но... но оно чрезвычайное... Да, чрезвычайное средство. Но вы так ставите вопрос, вам дома так тяжело, что вы предпочитаете умереть... Это средство... одним словом... вам нужно обвенчаться...

Ольга Александровна подняла голову и выпрямилась.

— Как обвенчаться? С кем?

— С кем-нибудь, это всё равно...

— Я не понимаю... как это можно сделать?

— А я не говорю, что это легко сделать... То есть, сделать-то это очень просто — пойти в

церковь и обвенчаться, но надо... надо, чтобы был вполне порядочный человек... Одним словом, человек, который... которому можно довериться... Вы понимаете?..

Она смотрела на него бесконечно удивлёнными глазами и, может быть, думала, что он не в своём уме. Но у него были такие разумные, такие простые и честные глаза. В них выражалось столько заботливости и настойчивости.

— Вот вы и изумлены... А между тем, право же, тут нет ничего такого... Вас надо выручить... все мы должны выручать друг друга... Вам трудно, — надо облегчить. Если бы мне было трудно, вы бы облегчили?.. Впрочем, извините, может быть, вы связаны... Вы кого-нибудь любите?..

— Нет, нет, — поспешно возразила она, — никого, никого... Но тот человек... Он может полюбить потом, ему надо будет обвенчаться... Как же это?

— Ну, знаете, это всё равно, как если бы кто-нибудь тонул и надо в воду полезть, а я бы размышлял: как же я полезу и промочу сюртук, когда мне надо в гости идти? Когда

надо спасти человека, так об этом не думают. Одним словом, Ольга Александровна, так как вы пришли за помощью, то вот единственное, что я для вас могу сделать. Я горячо сочувствую вашему стремлению и, пожалуй, скорее делаю это не для вас, а для дела, для идеи... Если вы мне верите, а, должно быть, верите, коли пришли, то... угодно вам обвиняться, — я к вашим услугам, — я ничем не связан, ни в кого не влюблён, вы тоже. Мы не будем друг другу мешать жить, вот и всё. Решайте. Ведь завтра могут вас найти и увезти...

— Я не знаю, — тихо вымолвила она, всё ещё поражённая его предложением.

— Решайте, решайте... А главное — успокойтесь, выпейте воды... А то ведь вы сейчас заплачете, ей-Богу.

Он налил ей стакан воды и подал, а у неё уже из глаз катились слёзы.

Она тихо говорила:

— Я не хотела... Я не хотела такой жертвы от вас...

— А, полноте, какая жертва? Что за жертва? Решайте. Даю вам слово, что я никогда не

посвягну на вашу совесть и свободу. Вы пообещайте мне то же...

Он с дружеской улыбкой протянул ей руку, она крепко пожала её.

— Ну-с... Так вы посидите у меня, а я побегу... Мы это устроим в полтора часа. Ведь это имеет смысл только, если устроится сейчас... Ведь каждую минуту могут убрать вас... Снимите шляпку и устраивайтесь, как дома. Вы устали?.. Отдохните... Когда приехали?

— Сегодня утром, всю ночь ехала...

— Ну, вот; так вы на диване прилягте. Вас никто не беспокоит... Ага, вот звонок... Это, должно быть, ко мне, — у меня часто бывают товарищи...

Он схватил шапку и выбежал в коридор. Голова у него горела. Он весь был как в пламени. Восторженный, пылкий, хотя эти качества всегда у него были скрыты под нерешительной и робкой наружностью, он теперь горел жаждой совершить подвиг великодушие, принести жертву ближнему.

Он отпер дверь и лицом к лицу встретился с высокой бородатой фигурой товарища по курсу, Стрелича.

— Что это ты такой встрёпанный? — басыстым голосом спросил Стрелич.

— Стрелич, пойдём... есть дело...

И он потащил его за руку вниз по лестнице.

— Никогда не видал тебя таким. Что тебя расшевелило? — говорил Стрелич и едва поспевал за ним.

— Слушай, — сказал Гроздин, когда они спустились вниз и шли по двору, — ты устрой это... Только поскорее, надо сегодня.

— Да что именно? Ты, кажется, слегка тово... а?

Он показал на лоб, в знак того, что у Гроздина там не в порядке.

— Нет, не то... Да, я ведь не рассказал тебе... Видишь ли, я сегодня должен обвенчаться...

— Что-о? Ты? Гроздин? Дитя малое? Грудной младенец?

Всё это были шуточные прозвища, которыми Стрелич награждал своего юного приятеля.

Этот гигант был гораздо моложе своего внешнего вида; он был старше Гроздина всего

на два года, а тому было двадцать три. У него была манера всё говорить в виде шутки.

— Нет, — сказал Гроздин, — ты отнесись серьёзно. Понимаешь ли, это нужно сегодня... Она бежала от опекуна. Это оттуда, где я был на уроке. Опекун — полковник... человек отживших взглядов... Замуж выдаёт, а она... врачом хочет быть... Понимаешь ли? Надо сегодня...

— Это что ж, любовь у вас, или как?

— Никакой любви. Я с нею трёх десятков слов не сказал, но она ко мне обратилась, ей не к кому, понимаешь?..

— Гм... Я, положим, понимаю, а только... Как бы это тебе сказать... Знавал я один такой случай... Тоже вот так, ради идеи, повенчались, а потом она в него как вцепилась... И всю жизнь отравила... Ведь ты её не знаешь?

— Конечно, нет, но... но видно... она честная натура... Одним словом, Стрелич, я прошу тебя, устрой; не рассуждай... Я ведь не мальчишка...

— Да, ты не мальчишка, а только грудной младенец.

— Прошу тебя...

— Ну, ладно, ладно... Экий ты восторженный!.. Откуда взялось?.. Ну, что ж, у меня тут есть один молодой батюшка, приятель... он, если его попросить да растолковать, в чём тут дело, наверно согласится... Ведь дело чистое... Да, она хоть метрику-то захватила?

— Не знаю, не знаю.

— То-то, узнай... Иди домой, а я направлюсь в кухмистерскую, там подберу компанию. Да, ведь кольца нужны... У тебя деньги есть?

— Всего три с полтиной.

— Маловато. Впрочем, у меня рубля четыре найдётся. Я забегу тут в лавочку ювелирную и куплю вам серебряные, позлащённые. А я, брат, к тебе шёл, думал — на бильярде сыграем. Потом сыграем? После венчания, а? — спросил Стрелич, усмехнувшись.

— Не дури, Стрелич, время дорого...

— Ну, ладно, ладно.

Стрелич ушёл, а Гроздин вернулся домой. Ольга Александровна, конечно, и не думала отдыхать.

Когда он вернулся, она уже чувствовала себя как бы его товарищем и рассказывала ему

свои приключения, как она ехала ночью, как боялась погони.

— Я приехала в Москву, — говорила она, — точно в Вавилон. Ничего не понимаю, всё для меня ново, всё чужое... И я боялась, что вы не захотите даже выслушать меня...

— Вы не имели права так обо мне думать, Ольга Александровна.

— Это правда. Я теперь каюсь... Но ведь... я таких людей ещё не видала.

— Мы все такие. Вот сейчас увидите нескольких; мы все простые, Ольга Александровна.

Он рассказал ей про Стрелича, как он с ним встретился и как тот пошёл собирать шаферов и покупать кольца.

Она покраснела и схватилась за свою кожаную сумку.

— Ах, пожалуйста, возьмите. У меня с собой сто семьдесят рублей... Я два года копила их. Вот, возьмите на кольца.

— Это вы потом Стреличу отдадите. У меня денег не было, так он на свои купит.

Послышались в коридоре шаги, и в комнату вошло несколько молодых людей, под

предводительством Стрелича. Их познакомили с Ольгой Александровной.

— Ну, вот, я и к батюшке забежал! — объяснял Стрелич. — Я ему сказал даже, чтоб чай приготовил. Это вместо шампанского... он у меня. Славный... А метрику-то захватили? — спросил он, обращаясь к Ольге Александровне.

Оказалось, что метрика с нею.

— Ну, господа, я думаю, мы пешком пойдём? Это ведь недалеко.

Уже сторож отворял маленькую домовую церковь, когда они вошли в ограду. Они встретили здесь батюшку. Он взглянул на Ольгу Александровну, на её коричневое платье и на саквояж, повешенный через плечо, и покачал головой, но ничего не сказал.

Вошли в церковь; сторож уже приготовил всё к венчанию. Зажгли свечи и началось венчание. Стрелич — он происходил из семинаристов и знал церковную службу — присоединился к дьячку, пел и читал апостола и даже постарался вынести конец, на самую верхнюю ноту.

Венчание кончилось. Батюшка ушёл в ал-

тарь. Гроздин обернулся к Ольге Александровне, ласково усмехнулся ей и сказал:

— Теперь вы госпожа Гроздина. Значит...
поздравляю вас.

Она порывисто схватила его руку и молча пожала её.

Стрелич между тем хлопотал около клироса, ведя переговоры с дьячком о каком-то свидетельстве. Он знал порядок. Он настаивал, чтоб дьячок сейчас же сажился и писал документ о совершившемся браке.

Вышел батюшка и пригласил всех к себе на чашку чая.

— Мы со Стреличем товарищи, — говорил он, когда они из церкви через ограду переходили в церковный дом. — Мы с ним вместе в семинарии обучались и даже в одном классе, только он светскую часть избрал, а я духовную.

У батюшки оказалась и матушка. Она приоделась, вышла к гостям и любезно наливала всем чай. Стрелич успел что-то шепнуть батюшке на ухо, а батюшка так же тихо передал это матушке, и они после этого ни о чём, относящемся к свадьбе, не спрашивали но-

вобрачных. Только матушка с величайшим любопытством посматривала на Ольгу Александровну; но разговор шёл всё о посторонних вещах, как будто не венчание было поводом для этого чая, а так, случайно люди собрались и беседуют.

Когда, простившись с любезными хозяевами, все вышли на улицу, Гроздин подвёл Ольгу Александровну к извозчику и, усаживая её, спросил:

— Вы, вероятно, завтра же хотите ехать в Петербург?

— Да, я хотела бы, — ответила Ольга Александровна. — Я надеюсь, что успею выдержать экзамен и поступить...

— Я постараюсь достать всё, что нужно... Ведь надо выхлопотать отдельный вид на жительство. Может быть, мне удастся сделать это завтра же... Ведь вы остановились на Мясницкой, N 85?

— Да, в меблированных комнатах.

— Я завтра, часа в три, зайду к вам, и, если добуду, привезу вид.

Ольга Александровна кивнула ему головой и уехала.

— Ну, брат, — сказал Гроздину Стрелич, — ходя ты и герой, а всё же должен слово держать. Помнишь, зачем я к тебе шёл?

— Зачем? Представь, не помню! — сказал Гроздин, у которого в голове был ещё беспорядок.

— Ну, вот! А на бильярде играть? Ведь ты почти обещал.

— Ах, да, в самом деле. Ну, что ж, пойдём, я теперь свободен.

Гроздин сдержал слово. На другой день он с утра начал хлопотать о выдаче его жене, Ольге Александровне, отдельного вида на жительство, а вечером, вместе со Стреличем и другими, присутствовавшими на венчании, провожал свою жену в Петербург.

Молодёжь искренно желала отъезжавшей счастливого пути и успеха, и все чувствовали себя так, как будто много лет были знакомы и дружны.

В скором времени обнаружилось, что в усадьбе полковника была страшная тревога и гроза по поводу исчезновения Ольги Александровны. Полковник приезжал в Москву, узнал обо всём совершившемся, и у Гроздина

были большие неприятности с ним, но он храбро вынес всё. В этом нежном, с виду неустойчивом, человеке оказалась, однако, большая сила характера. Как ни запугивал его полковник, но ничего не мог поделать.

От Ольги Александровны он получил из Петербурга известие, что ей пришлось вынести от опекуна ещё большие огорчения, но она была неуязвима. У госпожи Гроздиной был законный вид на жительство, выданный её мужем; против этого нельзя было спорить.

И она исправно училась! В первое время ей очень много мешала необходимость добывать средства к жизни, что ей давалось с большим трудом. Но время сделало своё дело: оно смягчило суровое сердце полковника, он наполовину примирился с совершившимся фактом, и хотя ещё не признавал брака Ольги Александровны с Гроздиным, тем не менее стал помогать ей.

Лет через шесть после этого, в одном из бедных уездных приволжских городов, можно было встретить чету Гроздиных, усердно, как бы наперерыв друг перед другом, работавших в лечебнице, устроенной тогда ещё моло-

дым и горячим земством...

Как они встретились и сошлись? Другие говорили, да и они сами, кажется, так думали, что это была случайная встреча. Он, кончив своё учение в Москве, по какому-то делу поехал в Петербург и навестил её, как старую знакомую. Общее дело сблизило их. Они полюбили друг друга.

Но так ли это было? Не связал ли их теснейшими узами тот момент, когда он без оглядки пожертвовал для неё самым драгоценным правом, а она приняла эту жертву? И, может быть, они и сами не знали, что их давно уже, с этого самого мгновения, неотразимо влекло друг к другу.